

ПУТЬ К РОДИНЕ

С. Зарницкий, Л. Трофимова.

"Если человек любит родину, он в любом месте земного шара приложит в действие все свои достижения. Никто и ничто не воспрепятствует выразить на деле то, чем полно сердце. И. Рерих."

Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Европа залита кровью. Барварски уничтожаются бесценные творения рук человеческих, неповторимые создания человеческого гения. И гибнет вера Николая Константиновича Рериха в разум, в общность культуры, в их великое гуманное предназначение - не раз"единять, а об"единять людей. Нет, впитывая духовные богатства многочисленных поколений, люди не стали ни умнее, ни добрее...

Николай Константинович очень устал, тяжелая болезнь гонит его прочь из России, где в последнее время так раздражает художника фальшивый ура-патриотизм холопствующих мещан. Знал ли он, что навсегда покидает страну, бескорыстному служению которой отдал лучшие годы своей жизни?

С Финляндии начались многолетние скитания. Дороги его путешествий пролегли почти по всем странам

История поездки талантливого русского художника ~~Эмиль Рерих~~ Рериха в Советский Союз летом 1926 года мало изучена биографами и исследователями его творчества. В настоящей статье, основанной главным образом на не публиковавшихся ранее или неизвестных нашему читателю материалах, делается попытка рассказать об этом периоде жизни одного из крупнейших гуманистов нашего времени и большого патриота своей Родины.

Послание Александру  
на стр 30

мира, но он остался верен родине, своей России. В сердцах многих людей, с которыми он встречался на дорогах своих странствий, посеял он добрые семена любви к национальному духу русского народа, его могучей культуре и великой истории. Воспевая в своих полотнах красоты даленных стран, он оставался русским художником и, находясь вдали от родины, не переставал тянуться к ней. Переписка с русскими художниками, встречи с советскими дипломатами - все это было наглядным свидетельством его тесных связей с родиной; нити этих связей не слабели с годами, а становились прочнее.

Н.К. Рерих был неотделим от России.

Мир преклонялся перед ним.

5-го ноября 1923 года в стране, отказывавшей Советской России в признании вплоть до 1933 года, в величественном здании на Риверсайд-драйв в Нью-Йорке его почитатели открыли музей Рериха. Президент Кулидж прислал организаторам музея приветственное письмо. Американский народ впервые получил возможность познакомиться с произведениями известного художника, с русским искусством, которое он так достойно представлял.

Через год музей насчитывал 425 работ Рериха, а в последующие годы постепенно превратился в крупную культурную организацию, располагавшую широкой сетью филиалов за пределами Америки. Через эти филиалы музей знакомил мир с русским искусством и русской литературой, изданием которой он занимался. Музей публиковал

переводы статей, в том числе из советской периодической печати, устраивал лекции, диспуты, выставки, организовывал и финансировал проведение различных научных экспедиций. Одним словом, выполняя записанное в своем уставе, Музей Рериха "продвигал духовное развитие, культуру и знания".

Что волновало, что занимало в то время беспокойный ум русского художника? Деятельность музея, статьи и интервью Н.К. Рериха свидетельствовали, что в условиях послевоенной разобщенности народов и государств он пытался воплотить в жизнь идею: культура является могучим оружием в борьбе за достижение братства и мира между народами. Мысль, которая волновала и привлекала к себе крупнейшие умы.

Окончание первой мировой войны дало Н.К.Рериху возможность начать работу по розыску доказательств его гипотезы об общности, о едином корне русской и индийской культуры. Эта гипотеза, возникшая в результате его археологических работ и бесед с людьми, посетившими Индию, не давала художнику покоя. В начале века Н.К. Рерих публикует ряд статей, в которых пытается доказать свое предположение, несмотря на то, что по его словам, многие говорили ему: "Мечты неосновательны, предположения голословны, догадки полны личных настроений".

Доводы за или против могла дать лишь поездка в Индию. "Ясно,- писал Н.К.Рерих,- если нам углубляться

в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрет многое, что нам так близко".

Война мешала ему совершить эту поездку. Лишь в начале 20-х годов художник посетил Гималаи и привез оттуда серию картин, положившую начало восточному периоду в его творчестве.

Музей Рериха экспонировал картины в трех новых залах, названных в честь жены художника "Галереей Елены Рерих". Новые картины явили изумленным зрителям чарующий мир индийской природы и были для многих посетителей откровением. Это стало новым открытием древней страны. Индийская газета "Форвард" писала в январе 1925 года: "Не только благодаря гималайской серии Музей Рериха тесно связан с Индией, но также благодаря глубокой симпатии художника к нашей стране, которая платит ему за это глубоким восхищением созидательным трудом мастера".

В творчестве и жизни Н.К. Рериха страны Центральной Азии занимают огромное место. Много сил и энергии отдавая он изучению культуры, быта и истории народов, населяющих этот район земного шара. Художник зарекомендовал себя бесстрашным путешественником, проложившим новые пути в местах, где до него ни разу не ступала нога европейца. В ряде случаев он уточнял географические карты, составленные его предшественниками.

Путешествием в Гималаи начинается счет многим его экспедициям по странам Азии. Рерих исколесил Индию, Западный и Восточный Китай, Монголию. И вот в 1926 году дороги одного из путешествий снова привели его в Россию, но на этот раз уже в Россию советскую.

Эта экспедиция Н.К. Рериха началась в один из сложнейших периодов истории народов Востока. Здесь ярче, где бы то ни было, проявилось столкновение старого и нового мира. Художник стал свидетелем грандиозной ломки старых форм жизни колониального Востока и роста симпатий его народов к Советскому Союзу, к его антиколониальной политике.

Двадцатые годы ознаменовались признанием Советского Союза многими капиталистическими странами и ростом его влияния во всем мире. Именно в этот период наблюдается небывалый подъем национально-освободительных движений. В странах Востока начал проявляться большой интерес к установлению дружественных отношений с Советским Союзом, провозгласившим революционную солидарность с освободительным движением угнетенных народов. Эти народы стали убеждаться, что новая Россия не добивается господства, не стремится к эксплуатации.

Симпатии народов Востока к его родине сразу же бросились в глаза Н.К. Рериху, как только он вступил на землю Востока. Здесь не существовало купела коммунистической опасности, которым империалистическая

пропаганда запугивала западно-европейского обывателя. Революционные идеи освобождения угнетенных народов от колониального ига падали на хорошо подготовленную почву. Советские представители пользовались у населения большим почетом и уважением; зато лютую злобу питали к ним ставленники колонизаторов. Иногда идеи марксизма-ленинизма приспосабливались здесь населением к местным обычаям и традициям. Порою простой крестьянин ставил имя Ленина рядом с именем Магомета.

В Персии была сложена легенда о большевиках - великанах, прорубивших горы и приведших на помощь персам. Не без удивления рассказывали о советском поселе, как он, сивя пиджан, вместе со своими сотрудниками таскал тяжелые камни и строил новое здание советской миссии. Но отнюдь не только благодаря такому полужантастическому ореолу силен был авторитет Советской России на Востоке. Пробудившиеся народные массы видели в ней своего естественного союзника и руководителя революционного движения против колонизаторов.

Развернувшееся национально-освободительное движение грозило английским колониальным владениям, и английская дипломатия поспешила на выручку колонизаторов. Она развивала лихорадочную деятельность, чтобы прежде всего помешать дальнейшему распространению влияния Советского Союза в странах Востока.

"Громадная армия английских агентов разнообразного типа как будто старается непрерывно показать, на

7

что она способна ... - писал советский нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в октябре 1924 года. - Сила английской дипломатии в ее многочисленных агентах, которые .... подстрекают одни азиатские племена против других, а также племена против центральных правительств, наводят своими шпионами и другими агентами нашу Среднюю Азию, искусственно поддерживают и подталкивают бухарскую контрреволюцию, пробираются в глубину Тибета и на Дальний Восток, поднимают против китайского национального движения компрадорскую буржуазию..".

Представляя собой мрачный контраст советской внешней политике, политика Англии вызвала справедливый гнев восточных народов. Она невольно усиливала их симпатии к Советскому Союзу.

В этот-то период Н.К. Рерих и совершил свою знаменитую экспедицию в страны Азии, которая была как-бы логическим продолжением экспедиции гималайской, направленной на более детальное изучение древней культуры и истории народов Индии, Китая, Тибета и Монголии.

Во время своего первого путешествия по Индии и Тибету, в итоге которого появилась гималайская серия картин, Николай Константинович был поражен не только пышным величием природы, красотой древних памятников культуры, своеобразием философских учений "ма-хаты", но и широким размахом национально-освободительного движения против английских колонизаторов и особенно той огромной популярностью, которой пользовались его

2

родина в этих отдаленнейших уголках земного шара. В беседах с ним "махатмы" говорили о том, что свет грядущего освобождения Индии идет с севера, что великий "махатма" Ленин создал учение об общине - величайшее учение в мире, что судьба Индии одина с судьбой России.

Во взглядах ученых мужей, в их учении Н.В.Рерих видел философское воплощение своей давнишней мечты о братстве и общности народов земли, о единстве русской и индийской культуры. Огромная популярность его родины у порабоженных народов вызывала ни с чем не сравнимое чувство гордости за Россию, которая пролагает народам новые, исторические пути. Хотелось поделиться своими впечатлениями с человеком из новой России, которую он так мало знал.

И вот в один из последних декабрьских дней 1924 года в советском полпредстве в Берлине раздался звонок. Советскому полпреду Николаю Николаевичу Крестинскому доложили, что его хочет видеть русский художник Рерих. Полпред был хорошо знаком с деятельностью большого гуманиста Н.В. Рериха за границей и тепло принял его. Во время беседы художник сообщил, что в Берлине он проездом, что очень спешит подготовить и осуществить новую экспедицию в Азию по маршруту Лех - Хотан, что хотя формально он является главой американской художественно-археологической экспедиции, но просит покровительства русских дипломатических представителей в районе

Центральной Азии. Он изъявил готовность предоставить в распоряжение Советского Союза все материалы, которые он соберет за время своего путешествия.

Конечно, Рерих не мог не поделиться, рассказывая о своей первой поездке в Индию, теми впечатлениями, которые он вывез из этой бесправной колонии. Н.Н.Крестинский внимательно слушал все, что рассказывал художник. Ведь Рерих говорил не только о девственной красоте Тибета, но и о том, что сейчас больше всего волновало его, — о национально-освободительной борьбе в Тибете против чужеземцев, о расстановке политических сил в этом районе и о своеобразном проникновении передовых идей на Восток. Естественно, эта тема в не меньшей степени интересовала и советского дипломата.

По просьбе самого Н.К. Рериха присутствовавший на беседе сотрудник советского полпредства почти дословно записал его рассказ о методах проникновения английских колонизаторов в Тибет.

— Оккупация Тибета англичанами, — рассказывал Николай Константинович, — продолжается непрерывно и систематически. Английские войска просачиваются небольшими кучками, отделяясь под каким нибудь предлогом от проходящих вблизи границы частей, например от экспедиционных отрядов, идущих на Эверест. Весь процесс оккупации производится с максимальной тактичностью и при учете настроения населения. В Тибете англичане ведут усиленную пропаганду против СССР, эксплуатируя невежество и раздувая нелепые слухи об антирелигиозной

деятельности большевиков, о якобы жестоком преследовании национальных меньшинств в Туркестане и т.п.

В этом рассказе Николая Константиновича советскому полпреду все было ясно и понятно, часть этих сведений уже была Крестинскому известна. Но вот гость заговорил о политических взглядах тибетского руководства, и здесь понятной стала в лучшем случае лишь половина из всего сказанного. Мало того, что Рерих был весьма далек от мировоззрения научного коммунизма, что под влиянием индийских "махатм" он считал возможным при духовной подготовке "взойти на ступень великой эволюции", именуемой общиной, но ко всему этому он придерживался полуфантастических взглядов на Советскую Россию и ее освободительную роль, что в дальнейшем дало для наркома Чичерина повод охарактеризовать его как "полукоммуниста - полубуддиста". К тому же, как вспоминают очевидцы, при изложении своих философских взглядов "Рерих любил облекать свои выступления в туманно-мистические одежды".

Рерих говорил о том, что Тибет насыщен пророчествами о грядущих в ближайшие годы событиях, обещающих произвести коренной перелом в жизни этой страны. Спасение представляется идущим с севера, намечаются даже даты: 1928-1931 годы. Тибетские ламы и гималайские "махатмы" проповедуют тождество идей коммунизма с учением Будды.

Н.К. Рерих снова собирался посетить Тибет и Западный Китай. В его кармане уже лежал паспорт, полученный им в Париже у китайского посланника и дававший ему право въезда в Синьцзян. В паспорте говорилось, что все китайские власти должны оказывать содействие путешественнику. Но Рерих хотел заручиться также и поддержкой советских консулов.

Н.Н. Крестинский обещал ему оказать содействие, и вскоре художник покинул Берлин. В индийском городе Дарджилинге началась подготовка к его новому путешествию.

По просьбе Н.К. Рериха сделанная во время беседы запись его сообщения была направлена в Москву наркому иностранных дел Г.В. Чичерину. Эта запись и сообщение Крестинского о визите Рериха в советское полпредство в Берлине очень заинтересовали наркома, ибо он был лично знаком с художником еще со времени своих занятий в Петербургском университете и очень высоко ценил его талант. Как и Крестинский Чичерин не колебался в том, что Рериху нужно оказать посильную помощь в интересах развития культуры и науки, в интересах собирания научных данных о малоизученных районах Центральной Азии /до этого Чичерин принял самое горячее участие в подготовке и организации экспедиции Козлова/. К сожалению, на этот раз более неотложные дела отвлекли его внимание и письму из Берлина не было дано хода.

12

Тем временем Н.К. Рерих покинул Европу и был на пути в Индию, куда благополучно прибыл в конце января 1925 года.

Беседа с советским дипломатом, который вкратце рассказал Рериху о грандиозных изменениях, происходящих в Советской России, не прошла даром. В интервью корреспонденту индийской газеты "Форвард" Рерих отстаивал мысль о том, что каждый народ имеет неотъемлемое право сам определять свою судьбу.

На вопрос корреспондента, почему художник основал свой музей в Америке, а не в России, Н.К. Рерих ответил:

- .... Я так часто говорил о красоте России и подчеркивал внутреннюю сущность русского народа. Но почему бы уже теперь не заглянуть в будущее, когда создаются непредвиденные, но глубоко логичные связи между нациями и когда еще поистине трудно сказать, какой камень станет лучшим основанием для нужных будущих сооружений? И если я люблю Россию, то почему я не должен любить Америку? Если я познаю чудесные качества этой молодой страны, наследницы Атлантиды, то почему я должен забыть русские сокровища, тесно переплетенные со всеми дарами мудрости Востока? Воистину поменьше отречений, больше знаний, и границы расширятся, и блестящие возможности сами собой сплетутся в венок Красоты. И то, что было невозможно вчера, завтра станет практически достижимым...

21 января 1925 года Н.К.Рерих выехал в Дарджилинг, находящийся в Гималаях.

С момента его визита к Н.И.Крестинскому прошло три месяца.

В конце марта 1925 г. в связи с каким-то сообщением, полученным из Тибета, Чичерин неожиданно вспомнил о просьбе Рериха и заинтересовался, что было предпринято в этой связи. Оказалось, ничего. И тогда 31 марта 1925 года нарком направляет письмо в Берлин, в котором напоминает Крестинскому о "полубуддисте - полукommунисте". Что-либо предпринять советский полпред, однако, уже не мог, так как художник давно покинул Европу.

В течение целого года советские представители не располагали никакими сведениями ни о самом Рерихе, ни о его экспедиции, они были лишены всякой возможности оказать ему помощь. Новые сведения о нем советские дипломаты лишь в январе 1926 года.

Об этом рассказывает в своих воспоминаниях советский художник И.Э. Грабарь:

"Зимой 1925-1926 года меня вызвал из Наркоминдела к телефону Г.В.Чичерин и спросил, не знаю ли я, где может находиться в данное время художник Рерих. Я сказал, что по моим сведениям, он в 1924 году уехал к Рабиндранат Тагору в Индию, откуда собирался пробраться в Тибет; вернее всего, что все еще где-нибудь там, ибо едва ли успел за это время вернуться в Нью-Йорк. Какого-то художника Рериха с женой и сыном задержали недавно в Монголии; может быть, это тот самый?"

- Несомненно, это он.

- А как вы думаете, желательно его возвращение к нам?

- Возвращение Рериха, художника столь значительного и столь известника, можно только приветствовать".

Этому телефонному разговору наркома Чичерина с Грабарем предшествовал ряд интересных событий, связанных с именем Рериха. Как и было запланировано, летом 1925 года Николай Константинович вместе со своим сыном Эрием, отличавшимся великолепным знанием восточных языков, и женой Еленой Ивановной начал свое путешествие в Центральную Азию.

На этот раз за Рерихом начинает пристально следить английская разведка. Это "любопытство" подогревается тем, что художник открыто проявляет свои симпатии к Советскому Союзу и живо интересуется вопросами национально-освободительного движения в Тибете. Вот почему весь путь его экспедиции от Леха в Кашмире до западнокитайского города Хотана - это нелегкий путь, на котором ее участников подстерегают многочисленные опасности и провокации.

18 сентября 1925 года, в начале путешествия, Н.К. Рерих пишет в своем дневнике: "Наконец можно оставить всю кашмирскую лужу и грязь ... Можно забыть, как победители играют в поло и гольф, когда народ гибнет в заразах и в полном отупении. Можно отвернуться от подкупных чиновников Кашмира. Можно забыть нападение вооруженных провокаторов на наш караван с целью задержать нас. Пришлось шесть часов пробыть с поднятым

револьвером. А в довершение всего полиция составила от нашего имени телеграмму, что мы ошиблись и нападения не было. Кто же тогда ранил семь наших слуг?... Можно отвернуться от правительства вскрытых писем, задержанных посылок, подосланных сыщиков. Что сделали с Индией и Кашмиром? ! Только в горах чувствуете себя в безопасности . Только в пустынных переходах не достигает невежественность".

В Кашмире на караван Н.К. Рериха было совершенно несколько нападений. Во время одного из них в числе нападавших был опознан личный шофер английского резидента в Кашмире Джона Вуда. Нет ничего удивительного в том, что Н.К. Рерих спешил выбраться из опасного района в горы, где нет полиции, так своеобразно "наблюдающей за порядком".

Но надежды Николая Константиновича оказались напрасными. Руки у английской разведки были длинные. 23-го сентября путешественники вышли на границу Кашмира у местечка Панамин, где формально кончалась сфера английского господства. На картах граница была показана через Паракорум, но, естественно, на этих высотах никто никогда никаких границ не устанавливал, и этим пользовалась английская агентура. Как и следовало ожидать, и за Панаминком членов экспедиции продолжают преследовать сюрпризы: то внезапно по пути следования каравана "разваливается" мост, то "совершенно случайно" появляются какие-то подозрительные личности... "Таинственная починка пути", - отмечал в

дневнике Н.К. Рерих, - встречались нами и в других пограничных частях Индии. При этом полицейский отдавал честь и "случайно" спрашивал паспорта для просмотра."

Наконец Кашмирская граница осталась позади, и на следующий же день Н.К. Рерих делает еще одно "открытие": лама-проводник, сопровождавший караван, отлично говорит по-русски, знает многих друзей Рериха. А ведь когда до этого при нем говорили по-русски, ни мускул на его лице не выдавал, что он все понимает, и в своих ответах он ни разу не выдал себя. Было ясно, что проводник подослан англичанами для шпионажа за экспедицией. "Мы оценили, почему именно он был нам указан", - писал Рерих.

День за днем движется экспедиция древним караванным путем: из Индии через Тибет в Китай и дальше - в Россию. Рерих много рисует, хотя на большой высоте от мороза стынут пальцы пальцы и носом идет кровь. Он вынашивает новые планы, и 8 октября в его дневнике появляется запись о том, что задумана серия картин "Май-трия."

Его дневник полон интересных описаний и свидетельствует о большой наблюдательности художника. Увиденное порождает ассоциации, яркие образы. Вот путешественники проходят мимо скелетов замерзших лошадей, где "многие остовы застыли в каком-то скачущем положении. Точно последняя скачка валькирий". Прошли широкую долину реки Шайок и окунулись в узкое ущелье, которое оказалось необычайно фантастическим. "В голубом ручье,-

пшет Рерих, - трещал ночной ледок. Красные стены полны забелевших трещин - точно магические страницы чудесных руи".

Находясь в центре Азии, Рерих все время думает о России. Он ищет аналогий, фактов, подтверждающих его идеи общности культуры русского народа с культурой народов Востока. 9 октября, описывая прием, оказанный ему населением оазиса Санджу, глядя на кошмы, заставленные угощениями, художник неожиданно заносит в свой дневник не воспоминания об этом приеме, а воспоминания совершенно другого характера: "Напомнило милое Ключино, Новгород, раскопки каменного века и радушного Ефима. И здесь уже те же кафтаны и бороды, и пояса цветные, и шапочки, отороченные волком или речным бобром. И трудно себя уверить, что эти люди не говорят по-русски. И действительно, многие из этих бородачей знают отдельные слова и очень гордятся, если у них есть какая-нибудь русская вещь".

Здесь в Санджу, на высочайшем перевале - 5075 метров над уровнем моря - его экспедиция начинает прощаться с горами; ее дальнейший путь пролегает по равнине.

Все дальше на север продвигается караван, его путь пролегает по знаменитой "шелковой дороге". "И не потому только шелковая, что по ней шли караваны с шелком, - отмечает художник, - но и сама она шелковая, и отливает всеми комбинациями песка. Молочная пустыня с тончайшим рисунком песчаных волн. Ветер

несет жемчужную пыль, и она на ваших глазах тклет новое кружево по лицу земли".

Н.К. Рерих много рисует, делает подробные записи в дневнике, он весь поглощен работой. Величественные картины девственной природы приковывают к себе внимательный взгляд художника. Забыты кашмирские злоключения, не вспоминаются трудности перехода через Каракорум. Один за другим сменяются перед ним пейзажи Центральной Азии. И все дальше уходит "шелковая дорога".

14 октября 1925 года Рерих со своими спутниками прибывает в Хотан. Местные власти оказывают им любезный прием. Рерихи наносят визиты даотаю, амбаню и военному губернатору; с ними очень любезны, но все настойчиво задают один и тот же вопрос: долго ли они собираются оставаться в Хотане?

Уже вечером начались осложнения. "Приставленный к нам Керим-бек, - пишет Н.К. Рерих в своем дневнике, - оказался жуликом, вымогателем и лжедонщиком. Амбань, тупо улыбаясь, говорит: "В доме писать картины можно, а вне дома нельзя". Спрашиваем причины. Он опять улыбается еще тупее и повторяет то же самое. Просим его письменно подтвердить его заявление, но он наотрез отказывается. Указываем, что экспедиция послана именно с целью художественной работы и что в паспорте нашем это сказано. Амбань трижды глупо улыбается и повторяет свое необоснованное запрещение".

В это время Н.К. Рерих продолжает свою работу над серией картин "Майтрейя". Вдохновленный философскими буддийскими мифами о Майтрейе, о грядущем Будде, с которым вера народа связывала представление о том времени, когда по всей земле будет достигнуто всеобщее счастье, Рерих в картинах своей новой серии стремился прежде всего воплотить именно эту идею - идею приближающегося освобождения народов Востока.

Но обстановка осложняется. Разговоры с амбанем, как и предвидел Н.К. Рерих, оказались лишь началом. День ото дня местные власти все больше и больше придираются к членам экспедиции и усиливают запретительные меры. Чувствовалось, что их действиями руководит опытная рука из Калькутты, центра английской разведки и контрразведки на Востоке. Для Н.К. Рериха не было никаких сомнений в том, что и в хотанских провокациях замешаны англичане.

Положение экспедиции осложнялось и становилось прямо-таки угрожающим. Рерих понимал всю бесполезность обращения к английскому консулу в Кашгаре. У Рериха сложилось твердое решение просить помощи у советского консула, хотя это и могло создать для него нежелательные осложнения. Тревожила также и мысль, что к нему, возможно, отнесутся с недоверием, как и политическому эмигранту. И все-таки, несмотря на все колебания, 6-го декабря 1925 года он пишет в Кашгар советскому консулу следующее письмо:

"Уважаемый господин Консул!

Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана. Экспедиция организована американскими художественными учреждениями с целью зафиксирования художественных сокровищ Азии, а между тем власти Хотана воспретили мне писать этюды. Мы уверены, что во имя культурной цели экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии. Не найдете ли возможным сообщить соответственно и власти Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы по назначению, через Москву. Буду рад получить от Вас извещение и немедленно возместить стоимость телеграмм. Недавно Америка дружелюбно устраивала выставку художников СССР, и я знаю, что всякое культурное начинание, как наша экспедиция, вызовет Ваше дружеское участие. Такая защита международных культурных интересов дает мне возможность выразить Вам благодарность от лица американских учреждений.

С искренним приветом Н.Ферих".

Советский консул ничего не знал о том, что в Берлине Н.К. Ферих уже встречался с советскими дипломатами, которые обещали оказать ему содействие; не знал он и о том, что руководство НКВД приняло решение об оказании экспедиции Фериха посильной помощи.

Не располагая никакими сообщениями из Москвы на этот счет, советский консул все же принял самое горя-

чее участие в делах Рерихов, руководствуясь в данном случае исключительно соображениями гуманности. Правда, сначала от отнесся к просьбе Н.К. Рериха с большой осторожностью.

В этом не было ничего удивительного. В то время Синьцзян кишел всевозможными иностранными агентами, действовавшими и в обличье консульских представителей, и под видом приезжих купцов. Все они стремились оказывать влияние на местные власти / что им порой удавалось без особых затруднений/, все они пытались подрывать авторитет советских представителей. Амплитуда отношений местных властей к советским представителям поэтому колебалась от изысканной восточной вежливости до откровенного хамства. Это было не только следствием влияния иностранцев, но в значительной степени отражало существование двух течений в политике самих синьцзянских властей.

С одной стороны Синьцзян находился с СССР в оживленных торговых отношениях, что значительно способствовало под"ему благосостояния населения. А это, в свою очередь не могло не способствовать росту симпатий местного населения к Советскому Союзу. Такие настроения должны были учитывать власти в отношениях с советскими представителями.

Но, с другой стороны, английская агентура с помощью подкупа, шантажа и использования националистических настроений усиленно внушала населению всевозможные небывлицы о большевиках и их целях. Накануне прибытия Н.К. Рериха в Синьцзян проанглийская печать

усиленно распространяла слухи о том, будто бы "большевики закончили выработку планов восстания мусульман" и будто бы готовится грандиозная резня среди населения. Эта провокационная шумиха оказывала свое тлетворное влияние: местные власти нередко проявляли неприязнь к советским представителям.

Однако, несмотря на все это, советский консул после получения письма Н.К. Рериха начал проявлять немалую заботу об экспедиции.

Вскоре между ним и Рерихом завязывается переписка. Советский консул по просьбе художника пересылает его письма в Европу и США, регулярно снабжает его советскими газетами, делится новостями.

А тем временем об экспедиции Н.К. Рериха в Кашгар продолжают распространяться самые противоречивые слухи, в чем не в последнюю очередь был повинен английский консул. Утверждают, будто экспедиция занимается разведкой, говорят, что Рерих - белый эмигрант, выполняющий сомнительные поручения и т.п. Утверждают очень многое, а Рерих даже не имеет возможности опровергать наветы.

Вся эта провокационная возня кончается тем, что 1 января, накануне отправления экспедиции в дальнейший путь, хотанские власти арестовывают всех членов экспедиции.

Н.К. Рерих срочно отправляет в Кашгар советскому консулу три письма одинакового содержания в надежде на то, что хоть одно из них попадет в руки адресата.

Он пишет, что арестован без всякого к тому повода.

"Ввиду отсутствия консула Соединенных Штатов, - говорится в письме, - настоящим обращаемся к представителям иностранных держав в г.Кашгаре с настоятельной просьбой оказать самое серьезное содействие для немедленного разрешения экспедиции следовать на Кашгар. В случае если разрешение кашгарского даота является недостаточным, просим телеграфировать за наш счет губернатору области в Урумчи. Три причины заставляют нас неотложно спешить:

1/ необходимость встретиться с нашими представителями из Америки, 2/ необходимость видеть врача Шведской миссии, 3/ необходимость получения денег в Кашгаре".

К одной из копий Н.К. Рериха делает приписку: "Положение становится опасным. Действия даота угрожающие. Оружие наше конфисковано".

Потянулись мучительные для участников экспедиции дни ожидания. Не было никакой уверенности, что письма дойдут по назначению. Но, к счастью, через несколько дней посланец Рериха благополучно добрался до Кашгара и вручил советскому консулу все три копии письма.

Искренне стремясь оказать помощь художнику, консул незамедлительно сообщил в НКВД СССР о злоключениях экспедиции, о ее безрезультатных обращениях в Нью-Йорк, Пекин, Париж и Лондон. Консул переслал в Москву и все письма, полученные им за это время от Н.К. Рериха.

Тогда же, не теряя времени, он посетил губернатора и просил его принять меры к освобождению членов экспедиции. Советский консул взял на себя нелегкую задачу: ведь Н.К. Рерих не был советским гражданином, и у советского представителя не было никаких формальных оснований проявлять слишком большую заинтересованность в судьбе американской экспедиции. Но все-таки советский консул пошел к губернатору и добился от него твердого обещания, что хотанские власти освободят из-под ареста членов экспедиции.

Все эти переговоры отняли около месяца, и лишь 7 февраля советский консул сообщил в НКВД, что его переговоры с хотанскими властями закончились успешно и что приезд Н.К. Рериха ожидается в самое ближайшее время.

Все эти дни английский консул навещался в советское консульство. Он не скрывал /или, во всяком случае, это удавалось ему плохо/ своего повышенного интереса к экспедиции Н.К. Рериха, расспрашивал о ее дальнейших планах и пытался выяснить, что предпринимает его советский коллега для облегчения судьбы этих "сомнительных" путешественников.

13 февраля Н.К. Рерих прибыл в Кашгар. Первым, кому он нанес визит, был советский консул; дружеская беседа продолжалась несколько часов. Рерих подробно, красочно рассказывал о тех районах, которые ему пришлось проходить со своим караваном, об отношении местного населения к русским людям. Очень много

художник говорил о том, безграничном уважении, которое тибетский народ питает к имени Ленина.

Н.К. Рерих с огромным вниманием слушал рассказы о России. Он взволнованно воспринимал сообщения о тех колоссальных изменениях, которые произошли там за десять лет его отсутствия. В Кашгаре он впервые явственно осознал, что должен осуществить свою мечту, которую втайне вынашивал вот уже несколько лет, - мечту о возвращении домой.

С особым интересом знакомился Н.К. Рерих и его близкие с советскими газетами. В одном из своих писем, отправленных из Кашгара, жена художника писала: "С восторгом читали "Известия", прекрасно строительство там, и особенно тронуло нас почитание, которым окружено имя учителя - Ленина. Спросите дядю, он должен иметь эти газеты, - прочитайте их, очень поучительно после безумия и пошлости Запада. Воистину это - новая страна, и ярко горит заря учителя над нею".

Здесь же в Кашгаре, созрел и оформился план поездки в Россию. Рерихи мечтали о ней, их манили пути на родину. В том же письме Е.И. Рерих говорится: "Пишу эти строки, а за окном звенят колокольчики караванов, идущих на Андижан - в новую страну. Трудно достать лошадей, все потянулось туда".

Было, однако, ясно, что эта поездка сулит новые осложнения со стороны колонизаторов. Об этом свидетельствовал хотя бы весь путь до Кашгара. Не случайно здешний консул Великобритании так настойчиво интересовался

планами экспедиции, особенно ее дальнейшим маршрутом. Консул продолжал проявлять повышенный интерес к делам экспедиции. Настораживало и то, что в последние дни он был подчеркнуто любезен и явно стремился понравиться Рериху. "Такая назойливая любезность, - писал Николай Константинович, - лучший и простейший полицейский дознаватель".

Н.К. Рерих просил советского консула добиться для него разрешения на поездку в Коканд. Его план был следующим: не вызывая излишнего любопытства, добраться до Кульджи, расположенной вблизи советской границы, чтобы за Кульджой -внезапно исчезнуть", то есть выехать в СССР.

25 февраля 1926 года после недельного пребывания в Намгаре экспедиция Рериха направилась в Урумчи, куда прибыла вечером 11 апреля.

Наутро следующего дня Рерих посетил губернатора, который поспешил заверить его, что уже в Урумчи-то членам экспедиции не грозят никакие неприятности. А в это же самое время на стоянке каравана полицейские агенты производили тщательный обыск, перерывали все имущество каравана. Рериху пришлось стерпеть это вероломство: жаловаться было некому.

В тот же день художник побывал и у советского консула, которому рассказал, что путешествует уже три года и мечтает о том, чтобы посетить Советскую Россию. Художник сообщил консулу, что у него накопилось много

впечатлений об Индии и Тибете. Заявил также, что он везет на могилу Владимира Ильича Ленина подарок "махатм" - ларец с землей, взятой с могил великих мудрецов Индии. Консул обещал незамедлительно похлопотать о в<sup>ъ</sup>ездных визах.

Находясь в Урумчи, Н.К. Рерих почти ежедневно навещал советское консульство. Здесь он засиживался допоздна. Его интересные рассказы привлекали слушателей. С особым воодушевлением он раз<sup>ъ</sup>яснял учение гималайских "махатм", стремившихся об<sup>ъ</sup>единить всех буддистов Востока в единую общину, в которой народы, по их мнению, обрели бы великое счастье. Сам Н.К. Рерих в беседах часто возвращался к мысли о неизбежности освобождения народов Востока, которое придет с севера. Он говорил, что восточные народы верят в освободительную миссию России. Среди тибетцев и индусов, среди буддистов ходит поверье о том, что освобождение от иностранного ига придет именно от красных, часто повторял Рерих. Поверю, и он сам не меньше, чем те, от лица которых он говорил, верил в это пророчество.

Пребывание Н.К. Рериха в Урумчи совпало с подготовкой к открытию памятника В.И. Ленину, который был заказан в Москве сотрудниками консульства на собранные ими по подписке деньги. Они хотели установить его во дворе консульства. Когда в консульство из Москвы прибыл бюст В.И.Ленина, там оказался Н.К.Рерих. Художник долго, внимательно смотрел на изображение самого популярного человека среди угнетенных на-

родов, именем которого тибетцы и индусы называли и своих сыновей, и высочайшие вершины гор.

Памятник было решено поставить на площадке перед зданием консульства, но, поскольку вместе с бюстом из Москвы не поступило никаких проектов памятника, консул попросил Рериха сделать несколько эскизов для пьедестала. Художник с живейшим интересом отнесся к этой просьбе и ночь напролет работал над эскизами. На следующий день день - день рождения В.И. Ленина - уставший, невыспавшийся, но радостный он снова появился в кабинете советского консула и молча развернул перед ним проект памятника великому революционеру. По проекту Рериха основанием должна была служить усеченная пирамида, что делало его красивым, стройным и в то же время придавало определенную монументальность. В тот же день на выбранном месте, перед зданием консульства, была произведена закладка памятника В.И. Ленину.

Однако осуществиться этому замыслу членов советской колонии было не суждено: власти Урумчи запретили открыть памятник, они не сочли возможным допустить, чтобы "все видели во дворе консульства бюст коммунистического революционного вождя чужого государства".

Почти ежедневные посещения Рерихом советского консульства ни для кого не были тайной, и Рерих знал, что это может привести к неприятностям. Вот почему накануне празднования 1 мая он принес консулу свой

путевой дневник и прочий на всякий случай хранить у себя.

Встречи продолжались. Рерих и консул беседовали на разные темы. Но чаще всего художник сводил разговоры к тому, что хорошо было бы об"единить буддийский мир с Советскою Россией, чему помогли бы "махатмы". Об этой утопической идее он собирался говорить в Москве с наркомом Г.В. Чичериним.

Наконец 6 мая Н.К. Рериху сообщили долгожданную весть: от Чичерина получена телеграмма с разрешением выдать членам экспедиции визы на въезд в Советский Союз. Для Рерихов и новых их друзей это был радостный день, и они стали готовиться к предстоящему походу.

8 мая состоялась последняя встреча у советского консула. В паспортах Рериха, его жены и сына были поставлены советские визы. Путешественники искренне благодарили консула за дружеское отношение, за все, что советские люди сделали для них в трудные дни пребывания в Хотане. Предвидя возможные опасности предстоящего перехода, Н.К. Рерих оставил советскому консулу завешание, согласно которому все имущество экспедиции, включая его картины, в случае гибели художника переходило в собственность русского народа.

Вечером того же дня караван двинулся в путь.

Н.К. Рерих возвращался в Россию.

Экспедиция изменила свой первоначальный маршрут и вместо Кульджи направилась на Дурбульджин. 29 мая 1926 года без особых приключений в районе озера Зайсан Н.К. Рерих, его сын Юрий и жена Елена Ивановна вместе с двумя сопровождавшими их тибетцами перешли советскую границу, а 13 июня Рерихи уже были в Москве.

Столица новой России приветливо встретила их. На каждом шагу внимательный взгляд художника отмечал изменения. Их было много. И оттого-то Москва казалась в одно и то же время и знакомой и незнакомой: Все это приятно изумляло и радовало.

Вскоре Н.К. Рериха приняли наркомы Г.К. Чичерин и А.В. Луначарский.

Чичерину Рерих передал дар гималайских "махатм" и их краткое письмо, в котором говорилось: "Посылаем землю на могилу брата нашего Махатмы - Ленина".

В послании гималайские "махатмы" обращались к советскому народу:

"На Гималаях мы знаем свершаемое Вами. Вы уразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверия. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной

собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всенародную помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28-31-36. Привет Вам, ищущим Общего Блага!"

От себя лично художник преподнес Советскому правительству ряд картин, в том числе известную картину "Явление срока".

На этом полотне Н.К. Рерих изобразил обращенную на Восток голову мудреца, в котором явственно угадывался Владимир Ильич Ленин. Картина была задумана и выполнена в 1926 году, когда художник создавал эскиз пьедестала для памятника В.И. Ленину в советском посольстве в городе Урумчи. Идея картины Н.К. Рерих выразил в короткой, но емкой фразе: "Настал срок восточным народам пробудиться от векового сна, сбросить цепи рабства".

А.В. Луначарскому Н.К. Рерих в знак глубокого уважения преподнес картину "Найтрейя: Победитель", которая изображала Будду на красивом коне, олицетворявшем счастье; этот образ, по мысли художника предвещал наступление в ближайшем будущем равенства и

братства людей на земле. Так же, как и картина "Явление срока", "Майтрейя" занимает в творчестве Н.К. Рериха особое место. Эти полотна отражают его глубокую веру в величие совершенной в России революции, в ее влияние на судьбы пробуждающихся народов Востока. Советская Россия - это путеводная звезда для восставших или восстающих народов Азии, в идеях Ленина - залог их грядущей победы.

- "Майтрейя", - говорил Н.К. Рерих во время беседы с наркомом Чичериным, - символизирует для Востока приближение новой эры.

Н.К. Рерих и его семья пробыли в Москве два месяца. Для них это время пролетело незаметно. Встречи со старыми друзьями, многочисленные беседы, знакомства с новой, социалистической Москвой - разве на все это могло хватить каких-то двух месяцев? То, что он видел, поражало фантазию художника. Ему отырылся совершенно новый мир. Но нужно было спешить. Ведь эта поездка была совершена в тайне. Для всего остального мира он "исчез" где-то за Урумчи. "Исчезновение" на два месяца было слишком заметным.

Ради успеха намеченной экспедиции и личной безопасности пришлось отказаться от мысли /подсказанной ему Г.К. Чичериным/ о проведении выставки картин, хотя он привез с собой много картин, набросков, этюдов. Г.В. Чичерин, великолепный знаток музыки и живописи, при знакомстве с работами Рериха высоко оценил их огромную художественную и социальную ценность.

Но как ни заманчива была мысль отблагодарить родину за ее радушие выставкой своих новых работ, от нее пришлось отказаться.

Н.К. Рерих спешил в Монголию, где он, кроме задач экспедиции, должен был выполнить также ряд поручений гималайских "махати".

В начале августа 1926 года художник покинул Москву, имея в кармане советский экспедиционный паспорт. Август Рерихи провели на Алтае, художник искал здесь подтверждение своих гипотез о великом переселении народов. 9-го сентября Н.К. Рерих из Улан-Удэ выехал в Улан-Батор. Его поездка по Советскому Союзу была завершена.

Прибыв в столицу новой Монголии, Н.К. Рерих с особой тщательностью стал готовиться к продолжению экспедиции. Он понимал, что новый переход через Тибет грозит ему большими трудностями. Необходимо было сделать запасы продовольствия, приобрести снаряжение для экспедиции, в том числе и оружие. Советские представители в Монголии деятельно помогали ему. Экспедиции была отдана часть оружия и снаряжения, оставленная в Улан-Баторе экспедицией Козлова.

О поездке Рериха в Москву знали лишь очень немногие: во всех позднейших сообщениях, посланных Н.К. Рерихом, о его посещении советской столицы не говорилось ни слова. Он и помогавшие ему люди знали, какими опасными неожиданностями могут быть чреваты для

экспедиции такие неосторожные сообщения. Но это вынужденное молчание не умаляло значения его встречи с родиной. Теплые встречи с членами Советского правительства, советскими людьми теперь казались особенно дорогими. В памяти навсегда сохранилась поездка в столицу горячо любимой им родины как самое значительное событие в его жизни.

28 января 1927 года Н.К. Рерих представил в советское полпредство в Монголии список членов своей новой художественно-археологической экспедиции, которая, по его замыслу, должна была пересечь Монголию, пройти Тибет и выйти в Индию. Во главе ее стоял академик Н.К. Рерих. Его, как и прежде, сопровождали верная спутница в этой беспокойной жизни, жена Елена Ивановна. Помощником начальника назначался сын Григорий.

8 марта в своем письме в полпредство СССР Рерих просил довести до сведения правительства Монгольской Народной Республики, что первый караван его экспедиции отправится из Улан-Батора в самые ближайшие дни.

Вскоре сотрудники полпредства передали ему полученную от монгольских властей охранную грамоту, дававшую членам экспедиции право беспрепятственно и беспослибно перейти границу МНР в пункте Им-Бейсе.

По-прежнему сохранялась осторожность во всем, что касалось плывов экспедиции, особенно сроков и маршрута ее следования.

В середине марта приготовления были закончены. 11-го марта 1927 года Н.К. Рерих посетил здание правительства Народной Республики и перед открытием заседания правительства вручил ее членам в дар картину "Великий Всадник". В дневнике полпреда СССР в Монголии такое описание этой картины: "На темно-синем небе горит алая звезда. В нлубах огня и молнии в стремительном полете несется красный всадник с красным знаменем в руке. Внизу зелено-эмалевой грядой залегли высоты Богдо-Ула. Перед юртой собрался в круг Великий Хурулдан, и оседланные кони готовы нести вестников с новыми вестями".

Свой дар Н.К. Рерих сопроводил следующим письмом:

"Привет Правительству Монгольской Народной Республики.

Монгольский народ строит свое светлое будущее под знаменем нового века. Великий Всадник освобождения несется над просторами Монголии. На нем весь доспех и знамена заповеданных сроков. В нем все великие бывшие жизни претворились в строительство общечеловеческой радости, широкого будущего.

Стоят средоточия значения и общины. Тучнеют стада коней и скота. И зазеленела степь и покрылись высоты Богдо-Ула свежей невиданной травой. Пришло время, и пришли сроки. И на юртах выступили начертания самые счастливые. И Великий Хурулдан в деятельном совещании слагает решения новой народной

жизни. И громовно звучит зов красного прекрасного Владычного Всадника. Во времена расцвета Азии считалось лучшим подарком произведение искусства или книга. Пришли опять лучшие времена Азии?

Прошу Правительство Монгольской Народной Республики принять от меня картину "Великий Всадник".

Принимая картину из рук Н.К. Рериха, представитель правительства МНР произнес речь, которую закончил следующими словами:

- Пусть идея нашего общего учителя Ленина распространится по всему миру, подобно пламени, изображенному на этой картине и пусть мужи, следующие этому учению, будут продолжать свою работу с той же решимостью, с какой несется изображенный Великий Всадник.

После церемонии передачи картины члены монгольского правительства в беседе с советским полпредом отметили, что экспедиция Рериха "оставила Монголии лучший ценностный дар".

Картина Рериха, по свидетельствам очевидцев, действительно "представляла нечто выдающееся, производила на зрителей глубокое впечатление".

Позже, говоря об экспедициях своего отца по странам Азии, Юрий Рерих вспоминал: "Пребывание Николая Константиновича в зарубежных странах, его многолетние странствования по Востоку - это постоянное радование о русском искусстве, о русской культуре ...

Везде он несет весть о русских культурных сокровищах. Его экспедиции в страны Центральной Азии, Индию и Китай явились продолжением его исканий истоков русской культуры на Востоке и несением русской культуры и дружественным нам народам Азии. Народы Тибета и Монголии на стенах своих музеев получили возможностьзнакомиться с картинами Н.К. Рериха и, таким образом, проникать во внутренний смысл русской культуры".

13 апреля 1927 года экспедиция Рериха покинула Улан-Батор и взяла путь на юг. Начался второй и, пожалуй, самый трудный этап его многолетнего путешествия.

Время от времени с попутными караванами Н.К. Рерих пересылал с пути весточки о своем продвижении. Но, чем дальше в глубины Азии уходила экспедиция, тем все реже поступали от нее известия, и, наконец, их совсем не стало: караван Н.К. Рериха вошел в Тибет.

Молчание Рериха объяснилось значительно позже. В мае 1928 года, то есть спустя год после того, как экспедиция покинула Монголию, Музей Рериха в Нью-Йорке получил от него первую за все это время телеграмму, в которой говорилось:

"На тибетской территории мы были атакованы вооруженными разбойниками. Превосходство нашего оружия предотвратило кровопролитие. Несмотря на тибетские паспорта, экспедиция была насильно остановлена 26 октября тибетскими властями в двух днях пути к

северу от Нагчу.

С нечеловеческой жестокостью экспедиция была задержана на 5 месяцев на высоте 15 000 футов, в летних палатках, во время жестоких морозов: около 40 градусов. Экспедиция страдала от недостатка в топливе и пище. Во время пребывания в Тибете умерло пять человек монгол, бурят и тибетцев, погибло 90 животных каравана.

По распоряжению властей все письма и телеграммы, адресованные Лхасскому правительству и британским властям в Калькутту, перехватывались. Нам было запрещено разговаривать с караванами, проходящими мимо, запрещено покупать пищу у населения. Деньги и медикаменты пришли к концу. Присутствие в караване трех женщин и медицинское свидетельство о слабости сердца не принимались во внимание.

С большими трудностями экспедиция 4 марта двинулась на юг. Все члены экспедиции /европейцы/ невредимы. Они мужественно переносили все трудности необычайно суровой зимы. Много научных результатов после четырехлетней работы".

После долгих мытарств экспедиция Н.К. Периха в конце мая 1928 года прибыла в Дарджилинг. Здесь она оставалась до декабря. Путь каравана был закончен, можно было подводить итоги, а они были немалые. Из своей экспедиции Н.К. Перих привез около 500 картин и этюдов, его экспедиция собрала богатейший этнографический, археологический и лингвистический

материал по странам Центральной Азии. Были также собраны уникальные произведения тибетского народного искусства.

Для обработки и изучения собранных за время своего путешествия материалов 24 июля 1928 года Н.К. Рерих основал Гималайский институт научных исследований, место для которого он выбрал в долине Кулу, расположенной в Западных Гималаях в Пенджабе. "Вся область Гималаев представляет исключительное поле для научных исследований, - писал Рерих. - Нигде в мире не могут быть собраны воедино такие разнообразные условия. Высочайшие вершины до 30 000 футов, озера на 15-16 000 футов; глубокие долины с гейзерами и прочими минеральными горячими и холодными источниками; самая неожиданная растительность - все это служит залогом новых научных находений чрезвычайной важности".

Здесь в Кулу, в самом центре Индии, Рерих прожил двадцать последних лет своей жизни. Он полюбил Индию и стал ее большим другом, но все эти годы не расставаясь с думами о своей великой родине и часто подавая живейшие знаки любви к русскому народу, к его необычной судьбе. Его горячее сердце художника и патриота всегда оставалось на родине - и в годы ее величайших побед и в годы труднейших испытаний.

Н.К. Рерих неустанно вел большую работу по пропаганде русского искусства. Филиалы его музея в

40

различных странах мира устанавливали и поддерживали самый тесный контакт с советскими представителями. По временам в Москву поступали от советских дипломатов сообщения о его большой просветительской деятельности.

Уполномоченный ВОКСа в Латвии в 1939 году писал, что "академик Н.К. Рерих выехал из России за границу по болезни в 1916 году вместе со своей семьей: В 1926 году он проездом с научной экспедицией в Монголию был в Москве. Затем в Париже он был знаком с В.И. Потемкиным и, кажется, состоял с ним в переписке впоследствии. В настоящее время Рерих вместе с сыном Брием живут в Индии, в Гималаях. Н.К. Рерихом выпущена монография, напечатаны книги во многих странах и написано в иностранной прессе много статей о русской культуре, родине, русской славе, Горьком и т.д."

А далее уполномоченный ВОКСа сообщал, что в свое время в эмигрантской газете "Сегодня", выходившей в Риге, было опубликовано несколько статей художника, но потом редакция отказалась их печатать, так как они были проникнуты слишком большой симпатией к Советскому Союзу.

Да, Н.К. Рерих не изменил своей любви к России. Обстоятельства сложились так, что Николаю Константиновичу не суждено было больше увидеть свою родину, осуществить свою многолетнюю мечту о возвращении.

В 1947 году Н.К. Рерих ушел из жизни. Но он до конца оставался верным сыном своей страны. В духе безграничного уважения и любви к ней он воспитал и своих детей. В трудные годы Великой Отечественной войны сын Юрий подал заявление о зачислении его добровольцем в Красную Армию, а в 1945 году В.И. Рерих обратился с просьбой к Советскому Правительству разрешить ему возвратиться на родину. Его просьба была удовлетворена.

Так спустя десять лет после смерти Николая Константиновича Рериха сын исполнил его сокровенную мечту. Ныне в Государственном Русском музее в Ленинграде и в Новосибирской картинной галерее советские люди могут видеть произведения замечательного русского художника.

Он все-таки возвратился на родину. Да иначе и не могло быть.

To Path to One's Country

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Ежемесячный научно-политический журнал № 1, January 65

"МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ"

№ 1

январь 1965

Раздел Исторические очерки

## ПУТЬ К РОДИНЕ

С. Зарницкий, Л. Трофимова

Если человек любит родину, он в любом месте земного шара приложит в действительности все свои достижения. Никто и ничто не воспрепятствует выразить на деле то, чем полно сердце.

Н. РЕРИХ

Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Европа залита кровью. Варварски уничтожаются бесценные творения рук человеческих, неповторимые создания человеческого гения. И гибнет вера Николая Константиновича Рериха в разум, в общность культуры, в их великое гуманное предназначение — не разъединять, а объединять людей. Нет, впитывая духовные богатства многочисленных поколений, люди не стали ни умнее, ни добрее...

Николай Константинович очень устал, тяжелая болезнь гонит его прочь из России, где в последнее время так раздражает художника дальнейший ура-патриотизм холопствующих мещан. Знал ли он, что навсегда покидает страну, бескорыстному служению которой отдал лучшие годы своей жизни?

С Финляндии начались многолетние скитания. Дороги его путешествий пролегли почти по всем странам мира, но он остался верен родине, своей России. В сердцах многих людей, с которыми он встречался на дорогах своих странствий, посеял он добрые семена любви к национальному духу русского народа, его могучей культуре и великой истории. Воспевав в своих полетных красотах далеких стран, он оставался русским художником и, находясь вдали от родины, не переставал тинуться к ней. Переписка с русскими художниками, встречи с советскими дипломатами — все это было наглядным свидетельством его тесных связей с родиной; нити этих связей не слабели с годами, а становились прочнее. Н. К. Рерих был неотделим от России.

Мир преклонялся перед ним.

5 ноября 1923 года в стране, отказывавшей Советской России в признании вплоть до 1933 года, в великолепном здании на Риверсайд-драйв в Нью-Йорке почитатели открыли Музей Рериха. Президент Кулида прислал устроителям музея приветственное письмо. Американский народ впервые получил возможность познакомиться с произведениями известного художника, с русским искусством, которое он так достойно представлял.

Через год музей уже насчитывал 425 работ Рериха, а в последующие годы постепенно превратился в крупную культурную организацию, возглавлявшую широкую сеть филиалов за пределами Америки. Через эти филиалы музей знакомил мир с русским искусством и русской литературой, изданием которой он занимался. Музей публиковал переводы статей, в том числе из советской периодической печати, устраивал лек-

ции, диспуты, выставки, организовывал и финансировал проведение различных научных экспедиций. Одним словом, выполняя записанное в своем уставе, Музей Рериха "предвигал духовное развитие, культуру и знания".

Что волновало, что занимало в то время беспокойный ум русского художника? Деятельность музея, статьи и интервью Н.К. Рериха свидетельствовали, что в условиях послевоенной разобщенности народов и государств он пытался воплотить в жизнь идею: культура является могучим оружием в борьбе за достижение братства и мира между народами. Мысль, которая волновала и привлекала к себе крупнейшие умы.

Скончание первой мировой войны дало Н.К. Рериху возможность начать работу по проверке гипотезы его гипотезы об общности, о едином корне русской и индийской культуры. Эта гипотеза, возникшая в результате его археологических работ и бесед с людьми, посетившими Индию, не давала художнику покоя. В начале века Н.К. Рерих публикует ряд статей, в которых пытается доказать свое предположение, несмотря на то, что, по его словам, многие говорили ему: "Мечты неосновательны, предположения голословны, догадки полны личных настроений".

Доводы за или против могла дать лишь поездка в Индию. "Ясно, - писал Н.К. Рерих, - если нам удастся в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе далеко время, когда английская культура сотрет многое, что нам так близко".

Война мешала ему совершить эту поездку. Лишь в начале 20-х годов художник посетил Гималаи и привез оттуда серию картин, положившую начало восточному периоду в его творчестве.

Музей Рериха экспонировал картины в трех новых залах, названных в честь жены художника "Галереей Елены Рерих". Новые картины явили изумленным зрителям чарующий мир индийской природы и были для многих посетителей откровением. Это стало новым открытием древней страны. Индийская газета "Форвард" писала в январе 1925 года: "Не только благодаря гималайской серии Музей Рериха тесно связан с Индией, но также и благодаря глубокой симпатии художника к нашей стране, которая платит ему за это глубоким восхищением созидательным трудом мастера".

В творчестве и жизни Н.К. Рериха страны Центральной Азии занимают огромное место. Много сил и энергии отдал он изучению культуры, быта и истории народов, населяющих этот район земного шара. Художник зарекомендовал себя бесстрашным путешественником, проложившим новые пути в местах, где до него ни разу не ступала нога европейца. В ряде случаев он уточнял географические карты, составленные его предшественниками.

Путешествием в Гималаи начинается счет многим его экспедициям по странам Азии. Рерих исколесил Индию, Западный и Южный Китай, Монголию. И вот в 1926 году дороги одного из путешествий снова привели его в Россию, но на этот раз уже в Россию советскую.

Эта экспедиция Н.К. Рериха началась в один из сложнейших периодов истории народов Востока. Здесь ярче, чем где бы то ни было, проявилось столкновение старого и нового мира. Художник стал свидетелем грандиозной ломки старых форм жизни колониального Востока и роста симпатий его народов к Советскому Союзу, к его антиколониальной политике.

Двадцатые годы ознаменовались признанием Советского Союза многими капиталистическими странами и ростом его влияния во всем мире. Именно в этот период наблюдается небывалый подъем национально-освободительных движений. В странах Востока начал проявляться большой интерес к установлению дружественных отношений с Советским Союзом, провозгласившим революционную солидарность с освободительными движениями угнетенных народов. Эти народы стали убеждаться, что новая Россия не добивается господства, не стремится к эксплуатации.

Симпатии народов Востока к его родине сразу же бросились в глаза Н.К.Рериху, как только он вступил на землю Востока. Здесь не существовало чувства коммунистической опасности, которым империалистическая пропаганда запугивала западно-европейского обывателя. Революционные идеи освобождения угнетенных народов от колониального ига падали на хорошо подготовленную почву. Советские предстатели пользовались у населения большим почетом и уважением; зато лютую злобу питали к ним ставленники колонизаторов. Иногда идеи марксизма-ленинизма приспособлялись злоеб населением к местным обычаям и традициям. Порой простой крестьянин старил имя Ленина рядом с именем Магомета.

В Персии была сложена легенда о большевиках-великанах, прорубивших горы и пришедших на помощь персам. Не без удивления рассказывали о советском поселе, как он, сняв шиддак, вместе со своими сотрудниками таскал тяжелые камни и строил новое здание советской миссии. Но отнюдь не только благодаря такому полу-фантастическому средству явлен был авторитет Советской России на Востоке. Пробудившиеся народные массы видели в ней своего естественного союзника и руководителя революционного движения против колонизаторов.

Развернувшееся национально-освободительное движение грозило английским колониальным владениям, и английская дипломатия поспешила на выручку колонизаторов. Она развивала лихорадочную деятельность, чтобы прежде всего помешать дальнейшему распространению влияния Советского Союза в странах Востока.

"Громадная армия английских агентов разнообразного типа как будто старается непрерывно показать, на что она способна... - писал советский нарком иностранных дел Г.В.Чичерин в октябре 1924 года. - Сила английской дипломатии в ее многочисленных агентах, которые... подстрекают одни азиатские племена против других, а также племена против центральных правительств, наводят своими шпионами и другими агентами нашу Среднюю Азию, искусственно поддерживают и подталкивают бухарскую контрреволюцию, пробираются в глубину Тибета и на Дальний Восток, поднимают против китайского национального движения компрадорскую буржуазию..."

Представляя собой явный контраст советской внешней политике, политика Англии вызвала справедливый гнев восточных народов. Она невольно усиливала их симпатии к Советскому Союзу.

В этот-то период Н.К.Рерих и совершил свою знаменитую экспедицию в страны Азии, которая была как бы логическим продолжением экспедиции гималайской, направленной на более детальное изучение древней культуры и истории народов Индии, Китая, Тибета и Монголии.

Во время своего первого путешествия по Индии и Тибету, в итоге которого появилась гималайская серия картин, Николай Константинович был поражен не только пышным великолепием природы, красотой древних памятников культуры, своеобразием философских учений "махатм", но и широким размахом национально-освободительного движения против английских колонизаторов и особенно той огромной популярностью, которой пользовалась его родина в этих отдаленнейших уголках земного шара. В беседах с ним "махатмы" говорили о том, что свет грядущего освобождения Индии идет с севера, что великий "махатма Ленин" создал учение об общине - величайшее учение в мире, что судьба Индии единая с судьбой России.

Во взглядах ученых мужей, в их учении Н.К.Рерих видел философское воплощение своей давнейшей мечты о братстве и общности народов земли, о единстве русской и индийской культуры. Огромная популярность его родины у порабощенных народов вызвала ли с чем не сравнимое чувство гордости за Россию, которая пролагает народам новые, исторические пути. Хотелось поделиться своими впечатлениями с человеком из новой России, которую он так мало знал.

И вот в один из последних декабрьских дней 1924 года в советском посольстве в Берлине раздавая звонок. Советскому полпреду Николаю

Николаевичу Крестинскому доложили, что его хочет видеть русский художник Рерих. Полпред был хорошо знаком с деятельностью большого гуманиста Н.К.Рериха за границей и тепло принял его. Во время беседы художник сообщил, что в Берлине он проездом, что очень спешит подготовить и осуществить новую экспедицию в Азию по маршруту Лех - Хотан, что хотя формально он является главой американской художественно-археологической экспедиции, но просит покровительства русских дипломатических представителей в районе Центральной Азии. Он изъявил готовность предоставить в распоряжение Советского Союза все материалы, которые он соберет за время своего путешествия.

Конечно, Рерих не мог не поделиться, рассказывая о своей первой поездке в Индию, теми впечатлениями, которые он вывез из этой бесправной колонии. Н.Н.Крестинский внимательно слушал все, что рассказывал художник. Ведь Рерих говорил не только о девственной красоте Тибета, но и о том, что сейчас больше всего волновало его, — о национально-освободительной борьбе в Тибете против чужеземцев, о расстановке политических сил в этом районе и о своеобразном проникновении передовых идей на Восток. Естественно, эта тема в не меньшей степени интересовала и советского дипломата.

По просьбе самого Н.К.Рериха присутствовавший на беседе сотрудник советского полпредства почти дословно записал его рассказ о методах проникновения английских колонизаторов в Тибет.

— Оккупация Тибета англичанами, — рассказывал Николай Константинович, — продолжается непрерывно и систематически. Английские войска просачиваются небольшими кучками, отделяясь под каким-нибудь предлогом от проходящих вблизи границы частей, например от экспедиционных отрядов, идущих на Эверест. Весь процесс оккупации производится с максимальной тактичностью и при учете настроения населения. В Тибете англичане ведут усиленную пропаганду против СССР, эксплуатируя невежество и раздувая всевозможные слухи об антирелигиозной деятельности большевиков, — с якобы жестоким преследованием ими национальных меньшинств в Туркестане и т.п.

В этом рассказе Николая Константиновича советскому полпреду все было ясно и понятно, часть этих сведений уже была Крестинскому известна. Но вот гость заговорил о политических взглядах тибетского руководства, и здесь понятной стала в лучшем случае лишь половина из всего сказанного. Мало того, что Рерих был весьма далек от мировоззрения научного коммунизма, что под влиянием индийских "махат" он считал возможным при духовной подготовке "взойти на ступень великой эволюции", именуемой общиной, но ко всему этому он придерживался полудантастических взглядов на Советскую Россию и ее освободительную роль, что в дальнейшем дало для наркома Чичерина повод охарактеризовать его как "полуккоммуниста-полубуддиста". К тому же, как вспоминают очевидцы, при изложении своих философских взглядов Рерих любил облекать свои выступления в туманно-мистические одежды.

Рерих говорил о том, что Тибет насыщен пророчествами о грядущих в ближайшие годы событиях, обещающих произвести коренной перелом в жизни этой страны. Спасение представляется идущим с севера, намечается даже дата: 1928-1931 годы. Тибетские ламы и тибетские "махаты" проповедуют тождество идей коммунизма с учением Будды.

Н.К.Рерих слова собирался посетить Тибет и Западный Китай. В его кармане уже лежал паспорт, полученный им в Париже у китайского посла и дававший ему право въезда в Синьцзян. В паспорте говорилось, что все китайские власти должны оказывать содействие путешественнику. Но Рерих хотел заручиться также и поддержкой советских консулов.

Н.Н.Крестинский обещал оказать ему содействие, и вскоре художник покинул Берлин. В индийском городе Дарджилинге началась подготовка к его новому путешествию.

По просьбе Н.К.Рериха сделанная во время беседы запись его сообщения была направлена в Москву наркому иностранных дел Г.В.Чичерину.

Эта запись и сообщение Крестинского о визите Рериха в советское полпредство в Берлине очень заинтересовали наркома, ибо он был лично знаком с художником еще со времени своих занятий в Петербургском университете и очень высоко ценил его талант. Как и Крестинский, Чичерин не колебался в том, что Рериху нужно оказать посильную помощь в интересах развития культуры и науки, в интересах собирания научных данных о малоизученных районах Центральной Азии (до этого Чичерин принял самое горячее участие в подготовке и организации экспедиции Козлова). К сожалению, на этот раз более неотложные дела оттянули его внимание и письму из Берлина не было дано хода.

Тем временем Н.К.Рерих покинул Европу и был на пути в Индию, куда благополучно прибыл в конце января 1925 года.

Беседа с советским дипломатом, который вкратце рассказал Н.К.Рериху о грандиозных изменениях, происходящих в Советской России, не прошла даром. В интервью корреспонденту индийской газеты "Форвард" Рерих отстаивал мысль о том, что каждый народ имеет неотъемлемое право сам определять свою судьбу.

На вопрос корреспондента, почему художник основал свой музей в Америке, а не в России, Н.К.Рерих ответил:

-...Я так часто говорил о красоте России и подчеркивал внутреннюю силу русского народа. Но почему бы уже теперь не заглянуть в будущее, когда создадутся непредвиденные, не глубоко логичные связи между нациями и когда еще поистине трудно сказать какой камень станет лучшим основанием для нужных будущих сооружений? И если я люблю Россию, то почему я не должен любить Америку? Если я познаю чудесные качества этой молодой страны, наследия Атлантиды, то почему я должен забыть русские сокровища, тесно переплетенные со всеми дарами мудрости Востока? Воистину поменьше отречений, больше знаний, и границы расширятся, и блестящие возможности сами собой сплетутся в венки Красоты. И то, что было невозможно вчера, завтра станет практически достижимым...

21 января 1925 года Н.К.Рерих выехал в Дарджилинг, находящийся в Гималаях.

С момента его визита к Н.Н.Крестинскому прошло три месяца.

В конце марта 1925 года в связи с каким-то сообщением, полученным из Тибета, Чичерин неожиданно вспомнил о проезде Рериха и заинтересовался, что было предпринято в этой связи. Оказалось, ничего. И тогда 31 марта 1925 года нарком направляет письмо в Берлин, в котором напоминает Крестинскому о "полубуддисте-полукоммунисте". Что-либо предпринять советский полпред, однако, уже не мог, так как художник давно покинул Европу.

В течение целого года советские представители не располагали никакими сведениями ни о самом Рерихе, ни о его экспедиции, они были лишены всякой возможности оказать ему помощь. Новые сведения о нем советские дипломаты получили лишь в январе 1926 года.

Об этом рассказывает в своих воспоминаниях советский художник И.З.Грабарь:

"Зимой 1925-1926 годов меня вызвал из Наркоминдела к телефону Г.В.Чичерин и спросил, не знаю ли я, где может находиться в данное время художник Рерих. Я сказал, что, по моим сведениям, он в 1924 году уехал к Рабиндранат Тагору в Индию, откуда собирался преобраться в Тибет; вернее всего, что он все еще где-нибудь там, ибо едва ли успел за это время вернуться в Нью-Йорк.

- Какого-то художника Рериха с женой и сыном задержали недавно в Монголии; может быть, это тот самый?

- Несомненно, это он.

- А как вы думаете, желательна его возвращение к нам?

- Возвращение Рериха, художника столь значительного и столь известного, можно только приветствовать".

Этому телефонному разговору наркома Чичерина с Грабарем предшествовал ряд интересных событий, связанных с именем Рериха. Как и

было запланировано, летом 1925 года Николай Константинович вместе со своим сыном Дрием, отличающимся великолепным знанием восточных языков, и женой Еленой Ивановной начал свое путешествие в Центральную Азию.

На этот раз за Рерихом начинает пристально следить английская разведка. Это "любопытство" подогревается тем, что художник открыто проявляет свои симпатии к Советскому Союзу и живо интересуется вопросами национально-освободительного движения в Тибете. Вот почему весь путь его экспедиции от Леха в Кашмире до западнокитайского города Хотана - это нелегкий путь, на котором ее участников подстерегают многочисленные опасности и провокации.

18 сентября 1925 года, в начале путешествия, Н.К. Рерих пишет в своем дневнике: "Наконец можно оставить всю кашмирскую джунгли и грязь... можно забыть, как победители играют в поло и гольф, когда народ гибнет в заразах и в полном оцепенении. Можно отвернуться от подкуренных чипорников Кашмира. Можно забыть нападение вооруженных провокаторов на наш караван с целью задержать нас. Пришлось шесть часов пребывать с поднятым револьвером. А в довершение всего полиция оставила от нашего имени телеграмму, что мы обиделись и нападения не было. Это же тогда ранил семь наших слуг?.. Можно отвернуться от правительственных вскрытых писем, задержанных посылок, подосланных сыщиков. Что сделали с Индией и Кашмиром?! Только в горах чувствуете себя в безопасности. Только в пустынных переходах не достигает невежество".

В Кашмире на караван Н.К. Рериха было совершено несколько нападений. Во время одного из них в числе нападавших был опознан личный повар английского резидента в Кашмире Джона Вуда. Нет ничего удивительного в том, что Н.К. Рерих спешил выбраться из опасного района в горы, где нет полиции, так своеобразно "наблюдавшей за порядком".

Но надежды Николая Константиновича оказались напрасными. Руки у английской разведки были длиннее. 23 сентября путешественники вышли на границу Кашмира у местечка Панамки, где формально кончалась область английского господства. На картах граница была показана через Карахорум, но, естественно, на этих высотах никто никогда никаких границ не устанавливал, и этим пользовалась английская агентура. Как и следовало ожидать, и за Панамкой члены экспедиции продолжают преследовать сюрпризы: то внезапно по пути следования каравана "разваливается" мост, то "совершенно случайно" появляются какие-то подозрительные личности... "Таинственная починка пути, - отмечал в дневнике Н.К. Рерих, - встречалась нами и в других пограничных частях Индии. При этом полицейский отдавал честь и "случайно" спрашивал паспорта для просмотра".

Наконец кашмирская граница осталась позади, и на следующий же день Н.К. Рерих делает еще одно "открытие": лама-проводник, сопровождавший караван, отлично говорит по-русски, знает многих друзей Рериха. А ведь, когда до этого при нем говорили по-русски, из одних мускулов на его лице не выдавал, что он все понимает, и в своих ответах он ни разу не выдал себя. Было ясно, что проводник подослан англичанами для шпионажа за экспедицией. "Мы оценили, почему именно он был нам указан", - писал Рерих.

День за днем движется экспедиция древним караванным путем: из Индии через Тибет в Китай и дальше - в Россию. Рерих много рисует, хотя на большой высоте от мороза ступит пальцы и носом идет кровь. Он вынашивает новые замыслы, и 8 октября в его дневнике появляется запись о том, что задумана серия картин "Майтрейя".

Его дневник полон интересных описаний и свидетельствует о большой наблюдательности художника. Увиденное поражает ассоциации, яркие образы. Вот путешественники проходят мимо скалетов замерзших лошадей, где "многие остовы застыли в каком-то скачущем положении. Точно последняя скачка валькирий". Прешли широкую долину реки Найок и спустились в узкое ущелье, которое оказалось необычайно фантастическим.

"В голубом ручье, - пишет Рерих, - трещал ночной ледок. Красные тени поили заселенных трещин - точно магические страницы чудесных рун".

Находясь в центре Азии, Рерих все время думает о России. Он ищет аналогий фактов, подтверждающих его идею общности культуры русского народа с культурой народов Востока. 9 октября, описывая прием, оказанный ему населением оазиса Санджу, глядя на кошмы, заставленные угощениями, художник неожиданно заносит в свой дневник не воспоминания об этом приеме, а воспоминания совершенно другого характера: "вспоминаю малое Ключино, Новгород, раскопки каменного века и редуанского Енны. И здесь уже те же кафтаны и бороны, и пояса цветные, и шапочки, отороченные волком или речным бобром. И трудно себя уверить, что эти люди не говорят по-русски. И действительно, многие из этих бородачей знают отдельные слова и очень гордятся, если у них есть какая-нибудь русская вещь".

Здесь, в Санджу, на высочайшем перевале - 5075 метров над уровнем моря - его экспедиция начинает прощаться с горами; ее дальнейший путь пролегает по равнине.

Все дальше на север продвигается караван, его путь пролегает по знаменитой "шелковой дороге". "И не потому только шелковая, что по ней шли караваны с шелком, - отмечает художник, - но и сама она шелковая, и отливает всеми комбинациями песка. Молочная пустыня с тончайшим рисунком песчаных волн. Ветер несет жемчужную пыль, и она на ваших глазах тклет новое кружево по лину земли".

Н.К.Рерих много рисует, делает подробные записи в дневнике, он весь поглощен работой. Величественные картины девственной природы привлекают к себе внимательный взгляд художника. Забыты кашмирские злоключения, не вспоминаются трудности перехода через Каракорум. Один за другим сменяются перед ним пейзажи Центральной Азии. И все дальше уходит "шелковая дорога".

14 октября 1925 года Рерих со своими спутниками прибывает в Хотан. Местные власти оказывают им любезный прием. Рерихи наводят визиты на атамана, амбана и военному губернатору; с ними очень любезны, но все настойчиво задают один и тот же вопрос: долго ли они собираются оставаться в Хотане?

Уже вечером начались осложнения. "Приставленный к нам Керим-бек, - пишет Н.К.Рерих в своем дневнике, - оказался шутиком, вымогателем и ледонощиком. Амбань, туго улыбаясь, говорит: "В доме писать картины можно, а вне дома нельзя". Спрашиваем причины. Он опять улыбается еще тупее и повторяет то же самое. Просим его письменно подтвердить это заявление, но он наотрез отказывается. Указываем, что экспедиция послана именно с целью художественной работы и что в паспорте нашем это сказано. Амбань трижды туго улыбается и повторяет свое необоснованное з а п р е щ е н и е".

В это время Н.К.Рерих продолжает свою работу над серией картин "Майтрейя". Вдохновленный философскими буддийскими мифами о Майтрейе, грядущем Будде, с которым вера народа связывала представление о том времени, когда на всей земле будет достигнуто всеобщее счастье, Рерих в картинах своей новой серии стремится прежде всего воплотить именно эту идею - идею приближающегося освобождения народов Востока".

Но обстановка осложняется. Разговоры с амбаном, как и предвидел Н.К.Рерих, оказались лишь началом. День ото дня местные власти все больше и больше придирается к членам экспедиции и усиливают запретительные меры. Чувствовалось, что их действиями руководит опытная рука из Калькутты, центра английской разведки и контрразведки на Востоке. Для Н.К.Рериха не было никаких сомнений в том, что и в хотанских провокациях замешаны англичане.

Должение экспедиции осложнилось и стало прямо-таки угрожающим. Рерих понимал всю бесполезность обращения к английскому консулу в Кашгаре. У Рериха сложилось твердое решение просить помощи у советского консула, хотя это и могло создать для него нежелательные осложнения. Тревожила также и мысль, что и к нему, возможно, отнесутся

с недоверием, как и политическо...

политическому эмигранту. И все-таки, несмотря на все колебания, 6 декабря 1925 года он пишет в Кашгар советскому консулу следующее письмо:

"Уважаемый господин Консул!

Из прилагаемых телеграмм Вы увидите, что наша экспедиция, о которой Вы уже могли слышать, терпит притеснения со стороны китайских властей Хотана. Экспедиция организована американскими художественными учреждениями с целью зафиксирования художественных сокровищ Азии, а между тем власти Хотана воспретили мне **п и с а т ь э т о д н я**. Мы уверены, что во имя культурной цели экспедиции Вы не откажете в своем просвещенном содействии. Не найдете ли возможным сообщить соответственно и власти Урумчи, а также послать прилагаемые телеграммы по назначению, через Москву. Буду рад получить от Вас известие и немедленно возместить стоимость телеграмм. Недавно Америка дружелюбно устраивала выставку художников СССР, и я знаю, что всякое культурное начинание, как наша экспедиция, вызовет Ваше дружеское участие. Такая защита международных культурных интересов дает мне возможность выразить Вам благодарность от лица американских учреждений.

С искренним приветом

Н. Рерих".

Советский консул ничего не знал о том, что в Берлине Н.К. Рерих уже встречался с советскими дипломатами, которые обещали оказать ему содействие; не знал он и о том, что руководство НКИД приняло решение об оказании экспедиции Рериха посильной помощи. Не располагая никакими сообщениями из Москвы на этот счет, советский консул все же принял самое горячее участие в делах Рерихов, руководствуясь в данном случае исключительно соображениями гуманности. Правда, сначала он отнесся к просьбе Н.К. Рериха с большой осторожностью.

В этом не было ничего удивительного. В то время Сибирь была кишела всевозможными иностранными агентами, действовавшими и в облике консульских представителей, и под видом приехавших купцов. Все они стремились оказывать влияние на местные власти /что им порой удавалось без особых затруднений/, все они пытались подрывать авторитет советских представителей. Амплитуда отношений местных властей к советским представителям поэтому колебалась от измешанной восточной вежливости до откровенного хамства. Это было не только следствием влияния иностранцев, но в значительной степени отражало существование двух течений в политике самих сибирских властей.

С одной стороны, Сибирь находилась с СССР в оживленных торговых отношениях, что значительно способствовало подъему благосостояния населения. А это, в свою очередь, не могло не способствовать росту симпатий местного населения к Советскому Союзу. Такие настроения должны были учитывать власти в отношениях с советскими представителями.

Но, с другой стороны, английская агентура с помощью подкупа, шантажа и использования националистических настроений усиленно внушала населению всевозможные преувеличения о большевиках и их целях. Накануне прибытия Н.К. Рериха в Сибирь преанглийская печать усиленно распространяла слухи о том, будто бы "большевики закончили выработку планов восстания мусульман" и будто бы готовится грандиозная резня среди населения. Эта провокационная шумиха оказывала свое тлетворное влияние: местные власти нередко проявляли неприязнь к советским представителям.

Однако, несмотря на все это, советский консул после получения письма Н.К. Рериха начал проявлять немалую заботу об экспедиции.

Вскоре между ним и Рерихом завязывается переписка. Советский консул по просьбе художника пересылает его письма в Европу и США, регулярно снабжает его советскими газетами, делится новостями.

А тем временем об экспедиции Н.К. Гериха в Кашгар продолжают распространяться самые противоречивые слухи, в чем не в последнюю очередь был повинен английский консул. Утверждают, будто экспедиция занимается разведкой, говорят, что Герих — белый эмигрант, выполняющий сомнительные поручения, и т.п. Утверждают очень многое, а Герих даже не имеет возможности опровергать наветы.

Вся эта провокационная возня кончается тем, что 1 января, накануне отправления экспедиции в дальнейший путь, китайские власти арестовывают всех членов экспедиции.

Н.К. Герих срочно отправляет в Кашгар советскому консулу три письма одинакового содержания в надежде на то, что хоть одно из них попадет в руки адресата. Он пишет, что арестован без всякого к тому ни повод.

"Ввиду отсутствия консула Соединенных Штатов, — говорится в письме, — настоящим обращаемся к представителям иностранных держав в г. Кашгаре с настоятельной просьбой оказать самое серьезное содействие для немедленного разрешения экспедиции следовать на Кашгар. В случае если разрешение кашгарского даота недостаточно, прошу телеграфировать за наш счет губернатору области в Урумчи. Три причины заставляют нас неотложно спешить: 1/ необходимость встретиться с нашими представителями из Америки; 2/ необходимость видеть врача Шведской миссии; 3/ необходимость получения денег в Кашгаре".

К одной из копий Н.К. Герих делает приписку: "Положение становится опасным. Действия даота угрожающи. Сружье наше конбисковано".

Потянулись мучительные для участников экспедиции дни ожидания. Не было никакой уверенности, что письма дойдут по назначению. Но, к счастью, через несколько дней посланец Гериха благополучно добрался до Кашгара и вручил советскому консулу все три копии письма.

Искренне стремясь оказать помощь художнику, консул незамедлительно сообщил в НКВД СССР о злоключениях экспедиции, о ее безрезультатных обращениях в Нью-Йорк, Пекин, Париж и Лондон. Консул перебрал в Москву и все письма, полученные им за это время от Н.К. Гериха.

Тогда же, не теряя времени, он посетил губернатора и просил его принять меры к освобождению членов экспедиции. Советский консул взял на себя немалую задачу: ведь Н.К. Герих не был советским гражданином, и у советского представителя не было никаких формальных оснований проявлять слишком большую заинтересованность в судьбе американской экспедиции. Но все-таки советский консул пошел к губернатору и добился от него твердого обещания, что китайские власти освободят из-под ареста членов экспедиции.

Все эти переговоры отняли около месяца, и лишь 7 февраля советский консул сообщил в НКВД, что его переговоры с китайскими властями закончились успешно и что приезд Н.К. Гериха ожидается в самое ближайшее время.

Все эти дни английский консул наведывался в советское консульство. Он не скрывал /или, во всяком случае, это ему удавалось плохо/ своего повышенного интереса к экспедиции Н.К. Гериха, расспрашивал о ее дальнейших планах и пытался выяснить, что предпринимает его советский коллега для облегчения судьбы этих "сомнительных" путешественников.

13 февраля Н.К. Герих прибыл в Кашгар. Первым, кому он нанес визит, был советский консул; дружеская беседа продолжалась несколько часов. Герих подробно, красочно рассказывал о тех районах, которые ему пришлось проходить со своим караваном, об отношении местного населения к русским людям. Очень много художник говорил о том безграничном уважении, которое тибетский народ питает к имени Ленина.

Н.К. Герих с огромным вниманием слушал рассказы о России. Он взволнованно воспринимал сообщения о тех колоссальных изменениях, которые произошли там за десять лет его отсутствия. В Кашгаре он впервые истинно осознал, что должен осуществить свой мечту, которую тайно вынашивал вот уже несколько лет, — мечту о возвращении домой.

С особым интересом знакомился Н.К. Рерих и его близкие с советскими газетами. В одном из своих писем, отправленных из Кашгара, жена художника писала: "С восторгом читали "Известия", прекрасно строгительство там, и особенно тронуло нас почитание, которым окружено имя учителя - Ленина. Спросите дядю, он должен иметь эти газеты, - прочитайте их, очень поучительно после безумия и пошлости Запада. Воистину это - новая страна, и ярко горит зари учителя над ней".

Здесь же, в Кашгаре, созрел и оформился план поездки в Россию. Рерихи мечтали о ней, их манили пути на родину. В том же письме Е.И. Рерих говорится: "Пишу эти строки, а за окном звенят колокольчики караванов, идущих на Андикан - в новую страну. Трудно достать лошадей, все потянулось туда".

Было, однако, ясно, что эта поездка сулит новые осложнения со стороны колонизаторов. Об этом свидетельствовал хотя бы весь путь до Кашгара. Не случайно здешний консул Великобритании так настойчиво интересовался планами экспедиции, особенно ее дальнейшим маршрутом. Консул продолжал проявлять повышенный интерес к делам экспедиции. Настораживало и то, что в последние дни он был подчеркнуто любезен и явно стремился понравиться Рериху. "Такая назойливая любезность, - писал Николай Константинович, - лучший и простейший полицейский дознаватель".

Н.К. Рерих просил советского консула добиться для него разрешения на поездку в Коканд. Его план был следующим: не вызывая излишнего любопытства, добраться до Кульджи, расположенной вблизи советской границы, чтобы за Кульджой "внезапно исчезнуть", то есть выехать в СССР.

25 февраля 1926 года после неглубокого пребывания в Кашгаре экспедиция Рериха направилась в Урумчи, куда прибыла вечером 11 апреля.

Наутро следующего дня Рерих посетил губернатора, который поспешил заверить его, что уже в Урумчи-то членам экспедиции не грозит никакие неприятности. А в это же самое время на стоянке каравана полицейские агенты производили тщательный обыск, перерывали все имущество каравана. Рериху пришлось стерпеть это вероломство: жаловаться было некому.

В тот же день художник побывал и у советского консула, которому рассказал, что путешествует уже три года и мечтает о том, чтобы посетить Советскую Россию. Художник сообщил консулу, что у него накопилось много впечатлений об Индии и Тибете. Заявил также, что он везет на могилу Владимира Ильича Ленина подарок "махаты" - дарец с землей, взятой с могил великих мудрецов Индии. Консул обещал незамедлительно хлопотать о ряздних визах.

Находясь в Урумчи, Н.К. Рерих почти ежедневно навещал советское консульство. Здесь он засиживался допоздна. Его интересные рассказы привлекали слушателей. С особым воодушевлением он разъяснял учение гималайских "махаты", стремившихся объединить всех буддистов Востока в единую общину, в которой народы, по их мнению, обрели бы великое счастье. Сам Н.К. Рерих в беседах часто возвращался к мысли о неизбежности освобождения народов Востока, которое придет с севера. Он говорил, что восточные народы верят в освободительную миссию России. Среди тибетцев и индусов, среди буддистов ходит поверье о том, что освобождение от иностранного ига придет именно от красных, часто повторял Рерих. Пожалуй, и он сам не меньше, чем те, от лица которых он говорил, верил в это пророчество.

Пребывание Н.К. Рериха в Урумчи совпало с подготовкой к открытию памятника Е.И. Ленину, который был заказан в Москве сотрудниками консульства на собранные ими по подписке деньги. Они хотели установить его во дворе консульства. Когда в консульство из Москвы прибыл бист Е.И. Ленина, там оказался Н.К. Рерих. Художник долго, внимательно смотрел на изображение самого популярного человека среди угнетенных народов, именем которого тибетцы и индусы называли и своих богов, и высочайшие вершины гор.

Памятник было решено поставить на площадке перед зданием консульства, но, поскольку вместе с бюстом из Москвы не поступило никаких проектов памятника, консул просил Рериха сделать несколько эскизов для пьедестала. Художник с живейшим интересом отнесся к этой просьбе и ночь напролет работал над эскизами. На следующий день — день рождения В.И. Ленина — усталый, невзбовавшийся, но радостный он снова появился в кабинете советского консула и молча развернул перед ним проект памятника великому революционеру. По проекту Рериха основанием памятника должна была служить усеченная пирамида, что делало его красивым, стройным и в то же время придавало определенную монументальность. В тот же день на выбранном месте, перед зданием консульства, была произведена закладка памятника В.И. Ленину.

Однако осуществиться этому замыслу членов советской колонии было не суждено: власти Урумчи запретили открыть памятник, они не сочли возможным допустить, чтобы "все видели во дворе консульства ликт коммунистического революционного вождя чужого государства".

Почти ежедневные посещения Рерихом советского консульства ни для кого не были тайной, и Рерих знал, что это может привести к неприятностям. Вот почему накануне празднования 1 Мая он принес консулу свой путевой дневник и просил на всякий случай хранить его у себя.

Встречи продолжались. Рерих и консул беседовали на разные темы. Но чаще всего художник сводил разговоры к тому, что хорошо было бы объединить буддийский мир с Советской Россией, чему помогли бы "махатмы". Об этой утопической идее он собирался говорить в Москве с наркомом Г.В. Чичериным.

Наконец, 6 мая Н.К. Рериху сообщили долгожданную весть: от Чичерина получена телеграмма с разрешением выдать членам экспедиции визы на въезд в Советский Союз. Для Рерихов и новых их друзей это был радостный день, и они стали готовиться к предстоящему походу.

8 мая состоялась последняя встреча у советского консула. В паспортах Рериха, его жены и сына были поставлены советские визы. Путешественники искренне благодарили консула за дружеское отношение, за все, что советские люди сделали для них в трудные дни пребывания в Хотане. Предвидя возможные опасности предстоящего перехода, Н.К. Рерих оставил советскому консулу завещание, согласно которому все имущество экспедиции, включая его картины, в случае гибели художника переходило в собственность русского народа.

Вечером того же дня караван двинулся в путь.

Н.К. Рерих возвращался в Россию.

Экспедиция изменила свой первоначальный маршрут и вместо Кульджи направилась на Дурбульджин. 29 мая 1926 года без особых приключений в районе озера Зайсан Н.К. Рерих, его сын Юрий и жена Елена Ивановна вместе с двумя сопровождавшими их тибетцами перешли советскую границу, а 13 июня Рерихи уже были в Москве.

Столица новой России приветливо встретила их. На каждом шагу внимательный взгляд художника отмечал изменения. Их было много. И оттого-то Москва казалась в одно и то же время и знакомой, и незнакомой. Все это приятно изумляло и радовало.

Вскоре Н.К. Рериха приняли наркомы Г.В. Чичерин и А.В. Луначарский.

Чичерину Рерих передал дар гималайских "махатм" и их краткое письмо, в котором говорилось: "Посылаем земле на могилу брата нашего Махатмы — Ленина".

В послании гималайские "махатмы" обращались к советскому народу:

"На Гималаях мы знаем свершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сохранили войско рабов. Вы раздавили науку наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы

угадали эволюцию общины. Вы угадали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения новых домов Общего Блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали современность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28-31-36. Привет Вам, ищущим Общего Блага!

От себя лично художник преподнес Советскому правительству ряд картин, в том числе известную картину "Явление срока".

На этом полотне Н.К. Рерих изобразил обращенную на восток голову мудреца, в котором явно угадывался Владимир Ильич Ленин. Картина была задумана и выполнена в 1926 году, когда художник создавал эскиз иконостаса для наместника В.И. Ленину в советском консульстве в городе Урумчи. Идея картины Н.К. Рерих выразил в короткой, но емкой фразе: "Настал срок восточным народам пробудиться от векового сна, сбросить цепи рабства".

А.В. Луначарскому Н.К. Рерих в знак глубокого уважения преподнес картину "Майтрейя: Победитель", которая изображала Будду на красном коне, олицетворявшем счастье. Этот образ, по мысли художника, предвещал наступление в ближайшем будущем равенства и братства людей на земле. Так же, как и картина "Явление срока", "Майтрейя" занимает в творчестве Н.К. Рериха особое место. Эти полотна отражают его глубокую веру в величие совершенной в России революции, в ее влияние на судьбы пробуждающихся народов Востока. Советская Россия - это путеводная звезда для восставших или восстающих народов Азии, в идеях Ленина - залог их грядущей победы.

- "Майтрейя", - говорил Н.К. Рерих во время беседы с наркомом Чичериным, - символизирует для Востока приближение новой эры.

Н.К. Рерих и его семья провели в Москве два месяца. Для них это время пролетело незаметно. Встречи со старыми друзьями, многочисленные беседы, знакомства с новой, социалистической Москвой - разве на все это могло хватить каких-то двух месяцев? То, что он видел, поразило фантазию художника. Ему открылся совершенно новый мир. Но нужно было спешить. Ведь эта поездка была совершена в тайне. Для всего остального мира он "исчез" где-то за Урумчи. "Исчезновение" на два месяца было слишком заметным.

Ради успеха намеченной экспедиции и личной безопасности пришлось отказаться от мысли /подсказанной ему Г.В. Чичериным/ о проведении выставки картин, хотя он и привез с собой много картин, набросков, этюдов. Г.В. Чичерин, великодушный знаток музыки и живописи, при знакомстве с работами Рериха высоко оценил их огромную художественную и социальную ценность. Но как ни заманчива была мысль отблагодарить родину за ее радушие выставкой своих новых работ, от нее пришлось отказаться.

Н.К. Рерих свезил в Монголию, где он, кроме задач экспедиции, должен был выполнить также ряд поручений гималайских "махаты".

В начале августа 1926 года художник покинул Москву, имея в кармане советский экспедиционный паспорт. Август Рерихи провели на Алтае, художник искал здесь подтверждение своих гипотез о великом переселении народов. 9 сентября Н.К. Рерих из Улан-Удэ выехал в Улан-Батор. Его поездка по Советскому Союзу была завершена.

Прибыв в столицу новой Монголии, Н.К. Рерих с особой тщательностью стал готовиться к продолжению экспедиции. Он понимал, что новый переход через Тибет грозит ему большими трудностями. Необходимо было сделать запасы продовольствия, приобрести снаряжение для экспедиции, в том числе и оружие. Советские представители в Монголии действительно помогали ему. Экспедиции была отдана часть оружия и снаряжения, оставленная в Улан-Баторе экспедицией Козлова.

О поездке Рериха в Москву знали лишь очень немногие; во всех позднейших сообщениях, посланных Н.К. Рерихом, о его посещении советской столицы не говорилось ни слова. Он и помогавшие ему люди знали, какими опасными неожиданностями могут быть чреваты для экспедиции такие неосторожные сообщения. Но это вынужденное молчание не умаляло значения его встречи с родиной. Теплые встречи с членами Советского правительства, советскими людьми теперь казались особенно дорогими. В памяти навсегда сохранилась поездка в столицу горячо любимой им родины как самое значительное событие в его жизни.

28 января 1927 года Н.К. Рерих представил в советское полпредство в Монголии список членов своей новой художественно-археологической экспедиции, которая, по его замыслу, должна была пересечь Монголию, пройти Тибет и выйти в Индию. Во главе ее стоял академик Н.К. Рерих. Его, как и прежде, сопровождала верная спутница в этой беспокойной жизни, жена Елена Ивановна. Помощником начальника назначался сын Юрий.

5 марта в своем письме в полпредство СССР Рерих просил довести до сведения правительства Монгольской Народной Республики, что первый караван его экспедиции отправится из Улаан-Батора в самые ближайшие дни.

Вскоре сотрудники полпредства передали ему полученную от монгольских властей охранную грамоту, дававшую членам экспедиции право беспрепятственно и бесповоротно перейти границу МНР в пункте Тим-Бейсе.

Но-прежнему сохранялась осторожность во всем, что касалось планов экспедиции, особенно сроков и маршрута ее следования.

В середине марта приготовления были закончены.

11 марта 1927 года Н.К. Рерих посетил здание правительства Монгольской Народной Республики и перед открытием заседания правительства вручил его членам в дар картину "Великий Всадник". В дневнике полпреда СССР в Монголии сохранилась такое описание этой картины: "На темном-синем небе горит алая звезда. В клубах огня и молнии в стремительном полете несется красный всадник с красным знаменем в руке. Внизу зелено-эмалевой грядой залегли высоты Богдо-Ула. Перед путой собрался в круге Великий Хурулдан, и оседланные кони готовы нести вестников с новыми вестями".

Свой дар Н.К. Рерих сопроводил следующим письмом:

"Привет Правительству Монгольской Народной Республики.

Монгольский народ строит свое светлое будущее под знаменем нового века. Великий Всадник освобождения несется над просторами Монголии. На нем доспех и знамени заповеданных сроков. В нем все великие бывшие жизни претворились в строительство общечеловеческой радости широкого будущего. Стоит средоточия знания и общины. Тучи не стада коней и скота. И зазеленела степь, и покрывшись высоты Богдо-Ула свежей невиданной травой. Пришло время, и пришли сроки. И на верхах выступили начертания самые счастливые. И Великий Хурулдан в деятельном совещании слагает решения новой народной жизни. И громовно звучит зов красного прекрасного Владычного Всадника. Во времена расцвета Азии считалось лучшим подарком произведение искусства или книга. Пришли ли опять лучшие времена Азии.

Прошу Правительство Монгольской Народной Республики принять от меня картину "Великий Всадник".

Принимая картину из рук Н.К. Рериха, представитель правительства МНР произнес речь, которую закончил следующими словами:

- Пусть идея нашего общего учителя Ленина распространится по всему миру, подобно пламени, изображенному на этой картине, и пусть мужья, следующие этому учению, будут продолжать свою работу с той же решимостью, с какой несется изображенный Великий Всадник.

После перемоски передачи картины члены монгольского правительства в беседе с советским полпредом отметили, что экспедиция Рериха "оставила Монголии лучший ценностный дар".

Картина Рериха, по свидетельствам очевидцев, действительно "представляла нечто выдающееся, произвела на зрителей глубокое впечатление".

Позже, говоря об экспедициях своего отца по странам Азии, Юрий Рерих вспоминал: "Пребывание Николая Константиновича в зарубежных странах, его многолетние странствования по Востоку - это постоянное радование о русском искусстве, о русской культуре... Везде он несет весть о русских культурных сокровищах. Его экспедиции в страны Центральной Азии, Индию и Китай явились продолжением его исканий истоков русской культуры на Востоке и несением русской культуры к дружественным нам народам Азии. Народы Тибета и Монголии на стенах своих музеев получили возможность ознакомиться с картинами Н.К. Рериха и, таким образом, проникать во внутренний смысл русской культуры".

15 апреля 1927 года экспедиция Рериха покинула Улан-Батор и взяла путь на юг. Начался второй и, пожалуй, самый трудный этап его многолетнего путешествия.

Время от времени с попутными караванами Н.К. Рерих пересылал с пути восточки о своем продвижении. Но, чем дальше в глубины Азии уходила экспедиция, тем все реже поступали от нее известия, и, наконец, их совсем не стало: караван Н.К. Рериха вошел в Тибет.

Молчание Рериха объяснилось значительно позже. В мае 1928 года, то есть спустя год после того, как экспедиция покинула Монголию, Музей Рериха в Нью-Йорке получил от него первую за все это время телеграмму, в которой говорилось:

"На тибетской территории мы были атакованы вооруженными разбойниками. Превосходство нашего оружия предотвратило кровопролитие. Несмотря на тибетские паспорта, экспедиция была насильно остановлена 26 октября тибетскими властями в двух днях пути к северу от Калчу.

С нечеловеческой жестокостью экспедиция была задержана на 5 месяцев на высоте 15 000 футов, в летних налатках, во время восточных морозов: около 40 градусов. Экспедиция страдала от недостатка в топливе и пище. Во время пребывания в Тибете умерло 5 человек монгол, бурят и тибетцев, погибло 90 животных каравана.

По распоряжению властей все письма и телеграммы, адресованные Ихасскому правительству и британским властям в Калькутту, перехватывались. Нам было запрещено разговаривать с караванами, проходящими мимо; запрещено покупать пищу у населения. Деньги и медикаменты пришли к концу. Присутствие в караване трех женщин и медицинское свидетельство о слабости сердца не принимались во внимание.

С большими трудностями экспедиция 4 марта двинулась на юг. Все члены экспедиции /европейцы/ невредимы. Они мужественно переносили все трудности необычайно суровой зимы. Много научных результатов после четырехлетней работы".

После долгих метарств экспедиция Н.К. Рериха в конце мая 1928 года прибыла в Дарджилинг. Здесь она оставалась до декабря. Путь каравана был закончен, можно было подводить итоги, а они были немалые. Из своей экспедиции Н.К. Рерих привез около 500 картин и этюдов, его экспедиция собрала богатейший этнографический, археологический и лингвистический материал по странам Центральной Азии. Были также собраны уникальные произведения тибетского народного искусства.

Для обработки и изучения собранных за время своего путешествия материалов 24 июля 1928 года Н.К. Рерих основал Гималайский институт научных исследований, место для которого он выбрал в долине Кулу, расположенной в Западных Гималаях в Пенджабе. "Вся область Гималаев представляет исключительное поле для научных исследований, - писал Рерих. - Нигде в мире не могут быть собраны возмозно такие разнообразие условия. Высочайшие вершины до 30 000 футов, озера на 15 - 16 000 футов; глубокие долины с гейзерами и прочими минеральными горячими и холодными источниками; самая неожиданная растительность - все это служит залогом новых научных находений чрезвычайной важности".

Своей, в Куду, в самом центре Индии, Рерих прожил двадцать последних лет своей жизни. Он любил Индию и стал ее большим другом. Но все эти годы не расставался с думами о своей великой родине и часто подавал живейшие знаки любви к русскому народу, к его необычной судьбе. Его горячее сердце художника и патриста всегда оставалось на родине - и в годы ее величайших побед и в годы труднейших испытаний.

Н. К. Рерих неустанно вел большую работу по пропаганде русского искусства. Филдвали его музея в различных странах мира устанавливали и поддерживали самый тесный контакт с советскими представителями. По временам в Москву поступали от советских дипломатов сообщения о его большой просветительской деятельности.

Уполномоченный ВОКСа в Латвии в 1939 году писал, что "академик Н. К. Рерих выехал из России за границу по болезни в 1916 году вместе со своей семьей. В 1926 году он проезжал с научной экспедицией в Монголию был в Москве. Затем в Париже он был знаком с В. П. Потемкиным и, кажется, состоял с ним в переписке впоследствии. В настоящее время Рерих вместе с сыном Юрием живут в Индии, в Гималаях. Н. К. Рерихом выпущена монография, напечатаны книги во многих странах и написано в иностранной прессе много статей о русской культуре, родине, русской славе, Горьком и т. д."

А далее уполномоченный ВОКСа сообщал, что в свое время в эмигрантской газете "Сегодня", выходившей в Риге, было опубликовано несколько статей художника, но потом редакция отказалась их печатать, так как они были проникнуты слишком большой симпатией к Советскому Союзу.

Да, Н. К. Рерих не изменил своей любви к России. Обстоятельства сложились так, что Николаю Константиновичу не суждено было больше увидеть свою родину, осуществить свою многолетнюю мечту о возвращении. В 1947 году Н. К. Рерих ушел из жизни. Но он до конца оставался верным сыном своей страны. В духе безграничного уважения и любви к ней он воспитал и своих детей. В трудные годы Великой Отечественной войны сын Юрий подал заявление о зачислении его добровольцем в Красную Армию, а в 1955 году Д. Н. Рерих обратился с просьбой к Советскому правительству разрешить ему возвратиться на родину. Его просьба была удовлетворена.

Так спустя десять лет после смерти Николая Константиновича Рериха сын исполнил его сокровенную мечту. Иные в Государственном Русском музее в Ленинграде и в Новосибирской картинной галерее советские люди могут видеть произведения замечательного русского художника.

Он все-таки возвратился на родину. Да иначе и не могло быть.